

Эрик ничего не ответил, лишь легко протянул:

— Ох.

— Я с ними совсем не знаком! — подчеркнул Чарльз.

Рейвен скривила губы и произнесла:

— Зато они обе любят Чарльза, наперебой норовят стать его невестами и даже дрались из-за этого несколько раз!

Ни Лилит, ни Юлиса Рейвен не нравились — и никому из них не позволено отнять у нее Чарльза!

Изначально она собиралась выболтать сплетни о Белиаре и Константине, но почему-то тема свернула на романтические слухи о самом Чарльзе. Рейвен окончательно сбилась с толку и принялась наперебой рассказывать Эрику о том, как эти девчонки соперничали за Чарльза. Просто... просто бесстыдницы!

Эрик слушал с ошеломленным видом, совершенно не в силах представить, как выглядел Чарльз, застрявший между двумя девчонками и отчаянно пытавшийся разнять их драку. Стоит отметить, что в прошлой жизни они с Чарльзом встретились, когда тот уже был могущественным мутантом.

Чтобы остановить драку двух обычных девчонок, ему хватило бы одного мысленного усилия.

А вот Чарльза с вырванными клочьями волос Эрик вообразить никак не мог.

Рейвен в этот момент напрочь забыла, зачем вообще затеяла разговор, и только и делала, что жаловалась Эрику. А нынешний Чарльз еще не освоил телепатию настолько, чтобы полностью контролировать чужие тела, поэтому, кроме как беситься в голове у Рейвен, он не мог сделать абсолютно ничего.

Чарльза едва не трясло от бешенства.

Ему совсем не хотелось, чтобы в присутствии нового товарища всплывали темные пятна из его прошлого.

Рейвен выложила Эрику все постыдные секреты Чарльза практически на одном дыхании. Лишь когда Эрик заметил, что лицо Чарльза совсем покраснело, а телепатические способности еще не дотягивают до уровня физического контроля над людьми — так что попытки закрыть Рейвен рот рукой постоянно проваливались, потому что та ловко уворачивалась, — он сжалился над своим старым другом... то есть, погодите, над своим маленьким другом.

Тогда Эрик применил свои способности: металлические застёжки на одежде Рейвен заставили ее зависнуть в воздухе, после чего Эрик сунул ей в руки стакан апельсинового сока, успешно заткнув рот болтушке.

Чарльз одарил Эрика исполненным глубокой благодарности взглядом.

Рейвен принялась жадно пить сок большими глотками — после стольких разговоров у нее в горле пересохло.

Подняв голову, она вдруг заметила, что Эрик похлопывает Чарльза по плечу, а в его глазах

читается неподдельное утешение.

В тот момент Рейвен осенило, и она выпалила:

— Да поженились бы вы уже, в самом деле!

Эрик и Чарльз: «!!» Уголки ртов Чарльза дернулись, и он произнес: — Рейвен, мы с Эриком оба мальчишки, как же нам пожениться?

Каким бы умным ни был десятилетний Чарльз, не имея доступа к определенной информации, он понятия не имел, что мужчины тоже могут быть вместе.

Но Эрик был совершенно ошеломлен.

Словно что-то, что он до сих пор подсознательно упускал из виду, вдруг предстало перед его глазами, заставляя широко раскрыть их и как следует всмотреться, а не продолжать отмахиваться под маской близкой дружбы. Эрик, старик, чей истинный возраст перевалил за семьдесят, впал в полный ступор.

Чарльз... Чарльз, без сомнения, был самым важным человеком для него. Хотя в прошлом он не разделял взглядов Чарльза, из-за чего они противостояли друг другу целых полвека, несколько раз у него была возможность убить Чарльза, и у Чарльза — тоже.

Но ни один из них не поднял руку.

Поступок Чарльза можно было объяснить его милосердием, но Эрик никогда не был человеком, способным проявить милосердие к врагу.

Он считал Чарльза своим близким другом и даже на закате лет все еще надеялся, что тот вернется к нему.

Неужели он полюбил Чарльза еще очень-очень давно?

Если бы... то есть, если бы действительно пришлось выбирать человека, с которым он провел бы всю жизнь, и если бы не было никакого давления со стороны их противоборствующих лагерей, он бы выбрал... Чарльза.

Только Чарльза, никого кроме Чарльза.

Чем больше Рейвен об этом думала, тем больше ей нравилась ее собственная идея. Рейвен терпеть не могла тех девочек, которые пытались отнять у нее Чарльза, но Эрик ведь не девочка, к тому же он очень хорошо к ней относился.

Столкнувшись с объяснениями Чарльза, Рейвен поджала губы и сказала: — И что с того? Я только что видела, как мистер Белиал целовался с мистером Константином.

С той точки зрения, откуда смотрела Рейвен, и впрямь казалось, что это Константин подался вперед, чтобы поцеловать Белиала.

Эрик и Чарльз: — ...

Эрик медленно закрыл широко раскрытый рот, сохраняя на лице глубокомысленное выражение.

Так вот почему они каждый день спят в одной комнате, а еду для лорда Белиала Константин готовит своими руками и всю работу по дому тоже выполняет сам?

Если примерить это на семью обычных людей, разве не выливается ли подобное в картину ленивого мужа-дармоеда и заботливой, трудолюбивой жены?

В отличие от потрясенного Чарльза, для которого словно распахнулись двери в новый мир, Эрик уже мысленно перебирал причины, почему то тут, то там видел, как Константин скрежещет зубами в сторону лорда Белиала. Например, что он не удовлетворяет господина Констандина, или что целыми днями сваливает на него домашние хлопоты, сам при этом бездельничая.

Эрик мысленно покачал головой: по его мнению, настоящий муж не должен так поступать.

И вот озадаченный Чарльз увидел, как Эрик внезапно повернул голову и со всей серьезностью произвел:

— Чарльз, отныне домашние обязанности мы будем делить поровну.

Чарльз: «???»

Совершенно не подозревая, что его собственная досада на Белиала была истолкована Эриком как разлад в семейной жизни, Констандин проснулся лишь в пять часов вечера. Сначала взгляд его был затуманен, но стоило ему вспомнить события, предшествовавшие беспамятству, и даже ощутить липкость под одеждой, как лицо его помрачнело от гнева, и он с яростью ударил кулаком по постели.

— Проклятье! — Констандин раздернул полог кровати и проскрежетал зубами: — Будь проклят Белиал, будь проклят владыка Ада!

К счастью, в комнате имелась ванная.

Стиснув зубы, Констандин отправился туда, принял душ, переоделся в свежую одежду, после чего уселся на краешек кровати и принялся с яростью вытирать волосы. В этот момент его взгляд случайно упал на прикроватную тумбочку, и он внезапно заметил на ней пачку сигарет.

Пачку сигарет?!

Констандин вытаращил глаза, отказываясь верить собственным глазам.

Эту пачку он выпросил у садовника замка, пустив в ход все свое красноречие. Переодеваясь, он не обнаружил ее на месте и мысленно уже приговорил сигареты к уничтожению. Кто бы мог подумать, что они преспокойно лежат на тумбочке!

Как же он не заметил их раньше?

Констандин на мгновение растерялся, а затем его охватило дикое ликование. Швырнув полотенце на стул, он схватил пачку со стола.

Внутри были сигареты, она не пустая!

Констандин вытащил одну сигарету.

Внезапно его нос забавно зашевелился. Нахмурившись, он пробормотал:

— А запах... часом не другой?

Впрочем, раз уж Белиал оставил эту пачку, вряд ли он стал бы устраивать какие-то пакости?

Неуверенно подумал Констандин.

Затем он зажал сигарету в зубах, отыскал прежнюю зажигалку и без труда ее прикурил.

В тот момент никто не смог бы описать восторг, переполнявший сердце Констандина.

Необычный запах наверняка мерещится, эта табачная смесь просто великолепна!

Быстро докурив первую сигарету, Констандин потянулся за второй. Однако тут выяснилось, что вытащить сигарету из пачки больше не получается.

Как он ее ни переворачивал, как ни дергал картон — пачка стояла непоколебимо, и ни единой сигареты вытряхнуть не удавалось.

Уголки губ Констандина дернулись. Что ж, этот мерзавец Белиал все-таки подстроил пакость: например, установил строгий лимит на количество выкуриваемых сигарет.

А-а-а, предупредил бы раньше! Предупреди он его заранее — ни за что не стал бы так быстро расправляться с прошлой сигаретой, а смаковал бы ее не спеша!

Констандин был морально раздавлен, но далеко отсюда, в уголках вселенной, не ведающих земных забот, кое-кто испытывал потрясение и даже страх, куда превосходящие его собственные.

В Вечном саду Асгарда прекрасная женщина в белоснежном платье, чьи золотистые волосы были подобраны зеленой ветвью, обессиленно лежала среди разрухи, уставившись невидящим взором на устроенный вокруг погром. Губы ее шептали:

— О Один, как же мне держать ответ перед богиней Фригг?

Она была богиней юности Идунн, ухаживавшей за Вечным садом богов по поручению царицы небесной. Все цветы и деревья в этом саду были любимцами царицы, и Идунн всегда заботилась о них с величайшим усердием.

Однако сегодня по неведомой причине она ненадолго отвлеклась, а когда опомнилась и в ужасе примчалась обратно, от любимого царицей участка золотистой лозы остались лишь торчащие из земли стебли высотой в один дюйм. Все широкие, прекрасные золотисто-красные листья и венчавшие их алые цветы бесследно исчезли.

Жалкие остатки в виде обглоданных пеньков красноречивее любых слов свидетельствовали о ее халатности.

В тот самый момент, когда Идунн охватило полное отчаяние, она вдруг заметила среди обрубков крупный и чистый кристалл. Торопливо подняв его, девушка остолбенела: заключенная в нем энергия была таковой, что у богов захватывало дух.

Не смея медлить, Идунн бросилась в Золотые чертоги, доложила царю и царице о случившемся

в саду бедствия и поднесла найденный кристалл к ногам Одина и Фригг.

Брови Одина сошлись на переносице. Не став наказывать Идунн за оплошность, он лишь мягко утешил ее и велел удалиться.

Когда в огромном зале Золотых чертогов остались только они вдвоем, Один взял кристалл в руки, и лицо его сделалось суровым.

Фригг встревоженно посмотрела на него и тихо произнесла:

— Это те существа?

Существование обитателей Вечного пантеона оставалось тайной для простых асгардцев, но не для всеотца и царицы. Один медленно покачал головой, пальцы его постепенно сжались, и он глухим голосом произнес:

— Не они. Но сила внутри этого кристалла даже чище, чем их собственная.

Не принадлежат к Вечным, но обладают силой, сравнимой с ними; совсем недавно они побывали в Асгарде, а стража не заметила и следа. На лице Одина проступила мрачная тень. Существа, стоявшие выше Асгарда, действовали ему на нервы, словно кость, застрявшая в горле.

Процветание и мир в Асгарде никогда не были вечными.

Один откинулся на спинку трона, его взгляд помрачнел.

Если бы в тот раз во время той случайности он не повстречал тех вечных существ, то, пожалуй, уже давно позволил бы Хеле покорить Девять миров, вместо того чтобы стяжать громкую славу, а затем трусливо сжаться обратно в Асгард и пытаться поддерживать мир с помощью соглашений.

И что с того, если бы он сравнял с землей Девять миров?

Ему всё равно не вырваться за рамки судьбы, написанной для него теми же Вечными богами.

Куда больше, чем объединение Девяти миров, его волновало то, как избежать наступления Рагнарёка.

Ему осточертела божественная жизнь марионетки на ниточках.

Помолчав мгновение, Один посмотрел на Фриггу и произнес глухим голосом:

— Фригга, моя царица, когда ты вернешься?

Фригга смолкла, а спустя мгновение ее фигура стала полупрозрачной.

Очевидно, появившийся сейчас в Золотом чертоге образ был вовсе не ее настоящим телом, а лишь иллюзией.

Великолепное длинное платье и золотые украшения на ней сменились на обтягивающий синий костюм, а золотые волосы были заплетены в хвост. Прежде элегантная и величественная царица теперь выглядела мужественно и собранно, за ее спиной проступали призрачные очертания планет, а мимо проносились разнообразные космические корабли.

Фригга ненадолго задумалась и ответила:

— Закончу с проверкой планеты Синда и сразу вернусь.

— Бам!

Один с силой опустил свой посох на пол, и оглушительный грохот эхом разнесся по Золотому чертогу.

— Фригга! — глухим голосом произнес Один. — Когда же ты наконец опомнишься! Тор — один, ты — другая, вы ищете уже пятьсот лет! Если бы Локи не погиб, он бы давно вернулся в Асгард!

Голос Одина стал мягче:

— Ты — царица Асгарда, и я думал, что по крайней мере ты должна быть благоразумнее Тора.

— Один!

Фригга ни капли не испугалась гнева Одина. Находясь за миллиарды световых лет от него, она спокойно посмотрела на своего мужа и чеканила каждое слово:

— Никаких «если», Один. Локи не умер, мой ребенок не умрет!

— Фригга...

— Мне всё равно, какими целями ты руководствовался, когда впервые привез Локи, — взгляд Фригги был острым. — Но Локи — мой ребенок!

С этими словами Фригга оборвала связь со своим аватаром в Золотом чертоге.

В Золотом чертоге призрачная фигура постепенно обрела плоть, и на ней снова появились

ослепительно белое платье и золотой венец. Она выглядела величественной и прекрасной, сидя на троне царицы с пустым взглядом.

Один медленно закрыл глаза и тяжело вздохнул.

Поскольку Хеймдалль обладал глазами, способными пронзить взором Девять миров, в те дни, когда он не мог отыскать Локи, Фригга и Тор перенесли свои поиски на бескрайние звездные системы.

В бесчисленных звездных системах таилось несметное множество планет, и хотя Один пользовался верховной властью в Девяти мирах, он не был властелином всей вселенной. Ведь даже он, обладая славой всеведущего и всемогущего, не знал, сколько именно рас в этом космосе способны соперничать с богами Аса.

Его жизнь была дольше, чем у любого асгардца, но он не видел конца вселенной.

Можно было лишь догадываться, каким опасностям подвергались Фригга и Тор в странствиях.

Для Одина Тор был первенцем по имени, наследником его трона. Поэтому те бесконечные скитания по планетам в поисках Локи, что тянулись уже пятьсот лет, можно было считать испытанием для будущего правителя, но Фригга...

Хоть она и была лучшим магом во всем Асгарде, она оставалась всего лишь богиней.

Бессилие, когда жена в одиночестве странствует навстречу смертельным опасностям, в то время как он, будучи царем богов, вынужден сидеть в Асгарде и не может защитить ее — это чувство не пожелал бы испытать ни один муж.

Он и впрямь не знал, было ли правильным его давнее решение принести Локи из Йотунхейма.

— Локи...

По Золотому чертогу пронесся полный беспомощности вздох Всеотца.

В то же время на Земле, в районе Вестминстер в Нью-Йорке, в гостевой спальне на втором этаже особняка Ксавье Константин в ярости швырнул пачку сигарет на пол и яростно растоптал ее каблуком.

Чертов Велиал, чертов владыка ада!

Хотя Константину отчаянно хотелось презрительно фыркнуть и вовсе отказаться от этой пачки, взглянув на нее после своего жестокого нападения — а она выглядела так прочно, будто была сделана из сверхметалла, и на ней не осталось даже царапины, не говоря уже о вмятинах — Константин сквозь зубы поднял пачку обратно.

Уж лучше выкуривать по одной сигарете в день, чем остаться совсем без них.

Раз Велиал оставил эту пачку на прикроватной тумбе, значит, в девяти случаях из десяти он молчаливо одобрял ее присутствие. Смени он пачку на другую — кто знает, удалось бы ее вообще прикурить.

Константин повертел пачку в руках: на ней красовалось название «Американский дух» и логотип в виде пятиконечной звезды на щите.

Сунув сигареты в карман плаща, Константин скрестил руки на груди и погрузился в раздумья.

Хотя в этот раз Велиал снова его подставил, в вопросе с курением он уже сумел сдвинуть дело с мертвой точки. Не пора ли ему сделать следующий шаг и подтолкнуть Велиала к мысли о баре? Может, удастся заставить демона заинтересоваться этим, и тогда с него снимут проклятое ограничение?

Константин стиснул зубы: была не была!

Он отыскал владыку ада в саду замка: тот сидел в кресле, подперев подбородок рукой, и отсутствующе глядел куда-то вдаль.

Уголки губ Константина дернулись. Что и говорить, главным развлечением этого владыки ада было откровенное сидение сиднем.

Хотя нет, если бы Велиал слышал нынешние мысли Константина, он бы непременно возразил. В последнее время его развлечения не ограничивались пустым глазением по сторонам — трепать нервы смертному по имени Джон Константин тоже было весьма забавно.

Велиал просто ушел из комнаты потому, что не выносил этот запах.

Тот самый запах...

Велиал нахмурился: назвать его неприятным нельзя было, но от него неизменно возникало ощущение выхода за рамки привычного контроля.

Это чувство потери контроля ему совсем не нравилось.

Он мог баловать смертного точно так же, как садовник лелеет выбранный по вкусу цветок в собственном саду — солнце, дождевая вода, удобрения, — это была та забота, которую он обязан был проявлять, но во всем надлежало знать меру. Он только что слетал в один из Девяти миров, Асгард, взял пучок растений из божественного сада, сделал из них табак и пожаловал Константину — это уже было величайшей милостью, какую он мог оказать смертному.

Сейчас же ему следовало честно и усердно заняться своими делами.

Подумав об этом, Велиал прямо произнес:

— Вечер.

Подразумевалось, что Константину пора идти готовить ужин.

Константин замер:

— ...

Хватит! Стоит тому увидеть его лицо, как в голове сразу возникают мысли о еде — неужели он и впрямь похож на жареный стейк?

Константин подавил раздражение, но не забыл о своей цели.

Стиснув зубы и набравшись решимости, он большими шагами направился к Велиалу.

Брови Велиала медленно сошлись на переносице.

Ему что, кажется?

Почему ему всё сильнее казалось, что Константин отбивается от рук?

В такой ситуации ему следовало бы... проучить...

Велиал слегка опешил, скосив глаза на руку, опустившуюся на его плечо.

Ядро его души бешено затрепетало, и он почти на уровне рефлексов вспомнил, как днем этот дерзкий Джон Константин выпустил струю дыма ему в лицо.

Губы этого парня казались краснее, чем у любой вампирской шайки... Нет, дело в том, что его поведение было слишком вопиющим!

— Я знаю одно отличное местечко в Нью-Йорке. Как насчет того, чтобы заглянуть в человеческий бар, мой дорогой владыка Велиал? — преодолевая давящее присутствие демона и используя всю ту выдержку, с которой он некогда водил за нос высших демонов, Константин с самым естественным видом пригласил его.

Велиал слегка прищурился и холодно произнес:

— Джон Константин...

— Да ладно вам, неужели вы никогда не бывали в барах? Впрочем, верно: в аду, кроме пыток для развлечения демонов, никаких нормальных развлечений отродясь не было. Так что вполне естественно, что вы их не посещали.

Константин улыбнулся, уголки его рта приподнялись, а глаза изогнулись дугой:

— Хотите попробовать человеческие радости? Если вам не понравится, я готов понести наказание. Любое.

Помолчав немного, Велиал медленно вымолвил:

— Джон Константин.

Константин с улыбкой посмотрел на Велиала, и улыбка эта была поистине потрясающей. Улыбнись он так в каком-нибудь баре, пожалуй, немало красивых девчонок передрались бы из-за него.

Велиал поднял руку и тонкими пальцами легко коснулся груди Константина, промолвив:

— А твое сердце бьется как-то слишком быстро.

Улыбка на лице Константина застыла.

Он же рисковал жизнью, пытаясь охмурить и обвести вокруг пальца владыку ада — и пусть его нервная система была стальной, неужели ему даже понервничать нельзя?

Велиал хмыкнул, приподняв брови:

— Пошли, Джон... Константин.

На мгновение Константину показалось, что он снова творит смертельную глупость. Но вспомнив о тех бонусах, что сулило ему будущее, он мгновенно обрел твердость.

Не пасовать, идти до конца!

Худшее, что может случиться — это поездка в ад, а ему ведь не привыкать.

С фактами не поспоришь: хоть большая часть истории этого мира развивалась схоже с его родным миром, это вовсе не значило, что знакомые ему бары по-прежнему оставались на прежних местах.

<http://bllate.org/book/21222/2147520>